

Живет в Марьинке (Украина).

СЕМЬ НА ВОСЕМЬ

Верлен незащищённый

Свернуться в грусть
и нам швырять оттуда
по слову, крохам
вечность. Может, тайна
ему известна более, чем стыд.
Пусть плешь ребёнка
отражает слово, пусть парит
над столиками в баре,
кружками, филе, над потрохами,
над нашими квадратными глазами.
Наш Вифлеем
испорчен запахом вина и пота.

Так и ушёл, таким,
каким нашли его однажды, —

незащищённым,
меж мокрыми ногами
пьяной шлюхи
с билетом сумасшедшего
в кармане,
едва успел запрыгнуть на корабль,
на тот, что в юности
ушёл, но без него, куда-то в море.
Теперь без паспорта,
без су под мышкой,
на повозке,
запряжённой тройкой ангелов,
вдаль увезли, ввысь подняли,
избавив от безумия земного.

* * *

Только слово и знает ответ
на семь радостей и на семь бед,
перепуганным надо смириться,
в семь – укол, в два пятнадцать – обед
и всегда воплощение в лицах.

Кто с какой стороны баррикад?
Слева Моцарт и Бонапарт,
справа док, санитары и яд,
и смиренная рубаха
с рукавами надёжней госстраха.

Посмотрели кино и стоят.
Так стоит на развалинах время.
Так снега покрывают деревню,
и людей, и дыхание. Так пат
возникает и спит снегопад.

Наконец, здесь присутствует мера
заражения словом, к примеру,
выражение взгляда на сколь
полно вашу являет боль
и наличие жизни в теле?

* * *

Вот: сегодня приснилась метель,
и сидим, чтоб во тьме не теряться,
тело светит, как почки акаций,

и хотелось подруге признаться,
ладно, обморок, не теперь.

Закурил бы, но я уже бросил,
и запил бы, да банка пуста,
и поел бы, ревнитель поста,
и предал, как Иуда Христа,
и сгноил полстраны, как Иосиф, –
вот и фотка моя семь на восемь.

Исчезаю, как ёжик в туман,
на губе огонёк сигареты,
двести грамм – это только диета,
и в ладони ржавеет монета.
Всё иное – стихи да обман.

[Страница автора в сети](#)

